

18+ Зачем ты мне?

И для чего тебе я?

Путь от жертвы к хулиганке

Елена Бердинская

Елена Бердинская

**Зачем ты мне? И для чего тебе я?
Путь от жертвы к хулиганке**

«Издательские решения»

Бердинская Е.

Зачем ты мне? И для чего тебе я? Путь от жертвы к хулиганке /
Е. Бердинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694796-2

Каждый человек в нашей жизни приходит не случайно. Одни спасают, другие ломают, третьи пробуждают. Но все — учат. Здесь нет идеальных героев и правильных решений. Есть опыт, который делает сильнее. Есть вера, страсть, ошибки и взросление. Если вы когда-то спрашивали: «Зачем ты мне?» — возможно, эта книга поможет услышать ответ.

ISBN 978-5-00-694796-2

© Бердинская Е.
© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. АУТО-ТКМ	8
Глава 2. МУЖ	11
АБЬЮЗ	11
ПОБЕГ	15
Глава 3. ХИРУРГ	16
ПИЩЕВОД	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Зачем ты мне? И для чего тебе я? Путь от жертвы к хулиганке

Елена Бердинская

Редактор Ольга Сергеевна Нестеренко

© Елена Бердинская, 2026

ISBN 978-5-0069-4796-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

«Самая большая привилегия, которая дана человеку Свыше – быть причиной добрых перемен в чьей-то жизни».
Блез Паскаль.

А вы читали мою первую книгу «#ракНЕдурак»? Если нет – отложите эту и начните с первой. Иначе многое окажется непонятным. Если же да, то вы ведь не подумали, что на ней моя история закончилась?

Ну уж нет.

События продолжились, и куда более захватывающе. И всё бы ничего, если бы это не была моя жизнь – мои реальные события: переживания, испытания и путь, который я прошла. То, как я выжила и живу по настоящее время.

Для чего нам даны болезни? Я довольно подробно раскрывала эту тему, свои выводы и осознания по ней в своей первой книге. Если сказать кратко – то все, абсолютно все болезни, даже самые мелкие изменения в организме, даже самые элементарные – нужны нам для чего-то и, что самое главное, несут нам какое-то благо.

Но...

На своём жизненном пути, начиная с рождения, в разных жизненных обстоятельствах, мы встречаем людей. Для чего они нам? Эту тему я затрагивала в первой книге, но здесь хочу раскрыть глубже. Людей мы встречаем схожих между собой или абсолютно разных. Но каждый встреченный человек нужен нам для чего-то и приносит благо. И мы, в свою очередь, тоже даём что-то другим.

«Зачем ты мне? И для чего тебе я?» – вот два главных вопроса, которые стоит задавать себе, когда происходит знакомство и завязываются те или иные отношения с новым человеком.

В этой книге я хочу поговорить о людях, которых мы встречаем. О тех, кого посылает нам Бог. Все они несут благо, даже если на первый взгляд его не видно.

Даже если кажется, что человек приносит в вашу жизнь только зло, вред и боль – поверьте, это не так. Я вас уверяю: за этим всегда стоит нечто большее. Нет «плохих» людей, есть те, кто пришёл дать вам важный, пусть и горький, урок.

Каждый, абсолютно каждый человек даёт нам нечто бесценное. И это далеко не всегда материальные вещи. Чаще это внутренние состояния и осознания – те самые искры, которые меняют нас, нашу жизнь и наше будущее. Важно это разглядеть в новом человеке. Задуматься, прислушаться к словам, присмотреться к поступкам, примерить их на свою жизнь и дождаться результата. А он обязательно проявится. Уж мне-то вы точно можете верить.

Раз вы держите в руках эту книгу, значит, и она оказалась у вас не случайно.

Кстати, как она к вам попала? От кого вы о ней слышали? Что это за человек? Прямо сейчас вспомните, что хорошего он принёс в вашу жизнь, какими знаниями поделился? Быть может, именно он оказал вам поддержку в трудную минуту?

Поверьте, этот человек появился в вашей жизни не зря. И эта книга, и я, как её автор, тоже.

Эта история охватывает всего один год моей жизни – 2024-тый.

Год, который полностью изменил меня. Год, который подарил мне новую жизнь, новых людей, новую меня. В этом году мне исполнилось тридцать пять лет. И порой, мне кажется, что всё это случилось не со мной. Либо, что прошло уже десять лет, но никак ни один год. Слишком много ужасных и счастливых событий было в нём, слишком сильно изменилась я.

Я верю, что моя история, мои мысли и выводы, мои знания и осознания, помогут кому-то изменить свою жизнь, сделать глубокий вдох и начать всё с чистого листа, либо продолжить проживать свою жизнь в благости и благодарности за всё. Ради этого я пишу. Ради этого открыто делюсь самым сокровенным.

Порой это не просто, вот так взять и написать о себе, о своей жизни, о том, что происходит у тебя в мыслях и особенно в Душе.

Но...

Зачем тогда всё это? В чём смысл? Для чего тогда жить, если не делиться опытом, который может помочь другим? Если моя (и, возможно, ваша) жизнь способна дать кому-то спасение, надежду или счастье – зачем тогда молчать? Чего стесняться? Мы все в этом мире не случайно, а для чего-то важного.

Зачем ты мне? А я тебе зачем?

Глава 1. АУТО-ТКМ

Как и писала в первой книге, на аутологичную трансплантацию костного мозга (Ауто-ТКМ) я полетела в город Обнинск, а именно в Медицинский радиологический научный центр им. А. Ф. Цыба.

Два дня я провела в гостинице в Москве, а затем на такси добралась до Обнинска. Первое, что меня впечатлило при въезде в город, – надпись: «Обнинск – лучший город Земли». Довольно амбициозно, не так ли? Но в этом есть доля истины. Город действительно носит статус Первого Наукограда в Российской Федерации. Здесь зарождалась наша наука. В целом, я это знала, потому как перед поездкой, у меня состоялся разговор с генеральным директором, и он указал мне на этот факт. А так как этот человек очень авторитетен для меня (я писала об этом в первой книге), то его одобрение поставило жирную точку в выборе города для проведения Ауто-ТКМ.

Приехала я сразу в МРНЦ имени А. Ф. Цыба. Сдала тест на коронавирусную инфекцию. Время было десять часов утра, а результат теста нужно ожидать до четырёх. Я вышла из Центра, огляделась. Рядом располагался большой красивый отель. Решила зайти в него и узнать, можно ли заселиться до вечера. У меня с собой был чемодан, портфель и ноутбук. Не хотелось таскаться с этими вещами по городу, ведь я хотела сходить в магазин, аптеку, ну и вообще как-то осмотреться на новой местности. Но свободных мест в отеле не было. Во втором отеле, который располагался недалеко от первого, мест тоже не оказалось. На улице было довольно зябко. Тогда я зашла в первое попавшееся кафе, взяла себе чай и села за столик. В кафе был телевизор, еда, розетки и туалет.

«Хорошее место, чтобы провести тут день» – подумала я.

В кафе я просидела до трёх часов дня.

Вернувшись в Центр и получив отрицательный результат теста, я прошла бумажное оформление и отправилась в корпус для госпитализации.

Дорога к нему шла через аллею с огромными деревьями, аккуратными асфальтовыми дорожками и скамейками. Зимний лес на территории онкоцентра выглядел красиво и величественно. Корпус, в который я шла, предстал четырёхэтажным зданием с лифтом и кафе на первом этаже. Палата – двухместная, светлая и уютная: большое окно, телевизор, стол, санузел. Кормили вкусно.

На следующий день после госпитализации, пришла врач. Она побеседовала со мной, провела осмотр, подробно рассказала о предстоящей процедуре Ауто-ТКМ.

И процесс начался.

На первом этапе мне установили катетер в шею. Неприятненькая процедура, скажу я вам. Но зато очень удобно: руки свободны, а вены на них не «жгутся» от лекарств. К катетеру подключили первый курс химиотерапии, который длился два дня. Перенесла я его благополучно.

Затем начался курс уколов, стимулирующих выход клеток костного мозга в кровь. Он длился десять дней. На препарат у меня появилась аллергия: всё тело покрылось красными пятнами. Пришлось добавлять капельницы с антигистаминными препаратами.

Ежедневно у меня брали кровь, чтобы отследить количество клеток костного мозга. Как только показатели достигли нужной отметки, шейный катетер заменили на диализный – он толще и длиннее обычного. С ним меня и повели на процедуру сбора.

Сам процесс выглядит так: через катетер кровь забирают и пропускают через специальный аппарат, который «отфильтровывает» нужные клетки, а остальную кровь возвращает обратно в мой организм. Всё это занимает около четырёх часов. Процедура безболезненная.

Забор прошёл успешно – количество клеток оказалось достаточно для трансплантации. Если бы их было мало, то сбор пришлось бы повторить на следующий день. Необходимое количество клеток рассчитывается по весу человека: чем больше вес, тем больше нужно клеток. В этом плане мне повезло.

После сбора, два дня был отдых от всех лекарств. Диализный катетер сняли.

Затем начался курс высокодозной химиотерапии. Пять дней подряд в организм непрерывно поступали лекарства. На пятый день подключили препарат, при котором нужно было охлаждать ротовую полость мороженым и холодной водой полтора часа подряд – иначе грозил ожог слизистой. Мороженого я тогда наелась вдоволь.

После этой химии снова выпали волосы.

После окончания курса высокодозной химиотерапии, один день был перерыва. А на седьмой день была сама трансплантация – мне «влили» мои собственные клетки костного мозга. Вся процедура заняла около двадцати минут.

Дальше наступил период полной стерильности. Выходить из палаты было запрещено. Каждый день меняли постельное бельё и сорочку. Еду приносили в специальных контейнерах. Медперсонал заходил только в стерильной одежде: халат, маска, перчатки, шапочка.

А потом наступил настоящий треш.

Началось все с ужасной слабости, тошноты и поднятия температуры до тридцати девяти градусов. Я не могла ни встать, ни даже сесть – сил не было совсем. Всё тело охватывал то озноб, то жар. На предмет устранения воспаления, мне начали делать терапию антибиотиками. Это нормальная практика в данной ситуации. Ежедневно брали кровь на анализ.

Два дня я не ела и не пила ни-че-го. Абсолютно. Даже запах еды вызывал тошноту. Потом стала понемногу есть жидкое – супы, бульоны. Но аппетита почти не было: каждую ложку приходилось буквально впихивать в себя. Слабость, рвота, постоянное чувство тошноты длились семь долгих дней. Казалось, это никогда не закончится. Ставили поддерживающие капельницы, но облегчения они не приносили. Сказать, что было тяжело, – ничего не сказать.

Постепенно становилось легче. Анализы улучшились.

Очень хотелось домой. Тем более приближался Новый год. Тоска по дому, по дочке и мужу буквально разрывала меня изнутри. Но раньше чем через четырнадцать дней после трансплантации домой не отпускали. Согласовав всё с врачом, я купила билеты на двадцать девятое декабря. Состояние было ещё слабое, но желание встретить Новый год дома оказалось сильнее. Прилететь в Обнинск, чтобы сопровождать меня домой, было некому. Всю дорогу от Обнинска до Южно-Сахалинска я должна была проделать сама.

Два часа на такси до Шереметьево, а дальше – самое сложное. Аэропорт: толпы людей, духота, очереди, шум. И я – еле передвигающая ноги, с температурой под тридцать восемь, что считается нормой после Ауто-ТКМ, но от этого легче не становится. Чемодан я собрала лёгкий: почти все вещи выбросила, оставив только самое необходимое. И даже такой облегченный, он казался мне безумно тяжёлым. Практически везде нужно было находиться стоя, все проверки, регистрации. Было сложно. Но выбора не было.

Сев в самолёт, впервые за всю поездку, я заплакала, нет, даже заревела. Все накопившиеся за поездку чувства: боль, страх, усталость, тоска – всё выплеснулось через слёзы. И будто камень, который сковывал всю меня изнутри, держал в тисках и не давал расслабиться и вздохнуть полной грудью, растворился, исчез.

Оставалось восемь часов, и я буду дома.

Глава 2. МУЖ

АБЬЮЗ

В аэропорту меня встретил муж. Дочку он оставил в машине. Мы крепко обнялись, поцеловались. Я плакала навзрыд. Как же я устала... устала болеть и лечиться, устала жить вдали от дома, устала быть в разлуке с мужем и дочкой.

Он взял мой чемодан и повёл меня к машине. Дочка сидела в детском автокресле. Я села на заднее сидение автомобиля рядом с ней. Она широко улыбалась и говорила: «Мамочка моя прилетела на самолётике». А я целовала её ручки и щёчки, а слёзы катились градом.

Мы ехали по заснеженным улицам города Южно-Сахалинска.

Город... Мой любимый город. Откуда я когда-то давно убегала, который ненавидела, и в который заново влюбилась. Всё здесь было таким родным и знакомым. Люблю этот город. До сих пор. Для меня – он лучший на всей планете.

Мы жили на пятом этаже в доме без лифта. Подняться на пятый этаж оказалось тяжёлым испытанием для меня. Всё тело было очень слабым. Дома я сразу рухнула на кровать. Было обеденное время. Муж принёс мне еду в постель, а сам пошёл кормить дочку.

Я безмерно благодарна ему, что он заботился о дочке весь месяц, который я была на лечении. Если быть откровенной, то я сомневалась в нём и думала, что он отправит её к бабушке. А мне очень не хотелось вырывать ребёнка из привычного ритма жизни и домашней обстановки. Моё отсутствие и так стало большим стрессом для неё. Но он молодец, он справился!

Я целовала его руки и говорила, что мы со всем справимся, что мы всё преодолеем. Что научимся понимать друг друга и договариваться, будем терпимее и внимательнее друг к другу, будем слушать и слышать. Я искренне этого хотела и верила в это.

Моё состояние продолжало быть ослабленным. В основном я всегда лежала. Долго находиться на ногах я не могла.

Мы встретили Новый год дома, втроём. Как я и хотела: тихо, скромно, по-домашнему. Несколько салатов на столе и основное блюдо. Под бой курантов мы открыли шампанское, и я, зажмурив глаза, загадала самое важное: быть здоровой и счастливой.

На следующий день, первого января, муж подошёл ко мне и сказал:

– А можно отпроситься?

Он планировал второго января собрать друзей на даче, отметить Новый год. Конечно, ему хотелось отдохнуть. Я его прекрасно понимала: целый месяц он оставался один на один с маленьким ребёнком. Моя мама приезжала помогать, но их взаимоотношения были, мягко говоря, напряжёнными. Долгое время находиться вместе они не могли – начинали скандалить.

Безусловно, я ответила, что он может провести время с друзьями, что может не торопиться домой и отдохнуть. Пока его не будет, приедет мама – она поможет мне и с дочкой, и по хозяйству.

Состояние не улучшалось. Слабость не уходила, аппетит почти пропал. Я могла есть только жидкую пищу – супы и бульоны, больше ничего не хотелось. В области желудка и пищевода начались странные боли. Списав всё на последствия ауто-ТКМ, я начала самостоятельно принимать обезболивающие и препараты для восстановления ЖКТ.

Шли новогодние праздники, выходные дни. Попасть к врачу даже в платную клинику было невозможно – никто не работал. Ехать экстренно в приёмный покой или вызывать скорую мне не хотелось: всё надеялась, что само пройдёт, восстановится. Но становилось только хуже. На десятое января я всё же записалась в частную клинику на ФГДС, чтобы наконец понять, с чем связаны боли в области желудка.

Мужа не было дома три дня.

Четвёртого января он приехал с жутким перегаром и в тяжёлом похмельном состоянии. Я сказала, что чувствую себя хуже. На что он ответил:

– Мне тоже плохо.

Завязалась небольшая ссора, он хлопнул дверью и снова уехал. Появился дома только шестого января вечером – уже пьяный. Я укладывала дочку спать и уснула рядом с ней. Он уснул на диване в зале.

Утром он проснулся с сильным похмельем. В доме стоял стойкий запах алкоголя.

К слову.

Он всегда любил выпить, а мне всегда это не нравилось. В нашем доме скандалы возникали только по поводу его привязанности к алкоголю. Нет, он не был глубоким алкоголиком, но любил выпить: ждал пятницы и праздников только для этого. После моих скандалов, от него сыпались тоннами обещания бросить или закодироваться. Он плакал и ползал на коленях, обещая оставить эту привычку ради меня и нашей семьи. И даже были периоды трезвости, но ненадолго.

Я прощала. Я верила. И так четыре года.

Потом появилась дочь.

Моё отвращение к алкоголю с появлением ребёнка ещё больше усилилось. Он стал пропадать на даче, занимаясь стройкой дома. И практически два года мы его видели очень редко. Об этом я писала в первой книге. Выпивал ли он на даче или нет – я не знаю. Но дома он не появлялся пьяным. До этого момента.

Итак...

Я напомнила ему о своей неприязни к алкоголю, и о том, что его не было дома несколько дней, и что он мог бы восстановиться и приехать домой в трезвом состоянии, чтобы мы с дочкой не чувствовали запах перегара и не видели его самого таким. О том, что я плохо себя чувствую, что хотела провести с ним время, ведь на девятое января у него был назначен вылет в командировку на месяц, а он провёл практически все новогодние выходные с друзьями.

Он начал пререкаться. Говорить грубые слова. Перешёл на оскорбления и крик...

К слову.

Он всегда был очень многословен. Он мог одарить меня безумными комплиментами, которые возносили до небес, а мог оскорбить так, будто я самый ужасный человек в его жизни и вообще на Земле. У него всегда были эти «качели». С ним всегда было «как на пороховой бочке» – никогда не знаешь, когда рванёт. Всё зависело от настроения и обстановки, от ситуации, если что-то идёт не так, как он считает нужным и верным. Его грубость всегда вводила меня в ступор. Он спокойно мог оскорбить любого, особенно близкого ему человека. «Бей своих, чтобы чужие боялись», – вот его стиль мышления. Для меня такая позиция была неприемлема. Потому как мы живём в Мире, где нас могут оскорбить или обидеть практически везде, поэтому, возвращаясь домой, мы должны слышать только добрые и тёплые слова. Ну а где их ещё слышать, если не дома?

После таких скандалов, от него всегда сыпались извинения и обещания держать себя под контролем. Я снова прощала. Я снова верила (дура, не правда ли?). Мы часто говорили об этом. Я объясняла, что словом можно ранить и, порой, очень сильно. Он соглашался и всегда говорил, чтобы я не слушала, когда его «несёт» и не обращала внимания на слова. Для меня это было сложно. Я люблю ушами.

В целом, в его оскорблениях и упрёках, я видела только одно – попытку самоутвердиться за счёт унижения другого. То есть меня.

Знаете, в основном, все люди стремятся к успешности. Все хотят быть рядом с успешными, теми кто чего-то стоит в этой жизни. Наверное, безусловная любовь возможна только к детям. В остальном, практически всегда, у любви есть условия. Но. Кто-то, находясь рядом с успешным, растёт сам, догоняет или обгоняет его в чём-то, тем самым возвышаясь и самоутверждаясь в своих же глазах. А кто-то пытается возвыситься и самоутвердиться перед самим собой за счёт унижения человека, который находится рядом. Это и есть психологический абюз.

Мы говорили и об этом тоже. И я старалась, как могла, утвердить его самооценку, поддерживала многие его идеи и начинания. Всё без толку.

Итак.

Он перешёл на оскорбления и крик. И среди его словесного «поноса» прозвучала фраза: – Ничего ты в жизни не добилась!

К слову, кто такая я?

Я – девушка, которая родилась в глухой деревне. Там прошло моё детство и юность. В эту деревню не ходили автобусы, и чтобы выбраться в город, нужно было ловить «попутку». Да-да, мы с мамой выходили на трассу, поднимали руку – и проезжающие мимо машины останавливались и подвозили нас до города. Иногда так можно было простоять целый час.

Не было водопровода и мы носили воду с колонки в больших кастрюлях, даже зимой. Не было централизованного отопления, и дома приходилось топить печь дровами и углём.

Стоит ли говорить, что я всю жизнь мечтала вырваться из этой трясины? Хотела переехать жить в город, в цивилизацию. Я понимала, что мама мало чем сможет мне помочь в этом. Так сложилась её жизнь. Поэтому рассчитывать я могла только на себя. Я всегда исправно и отлично училась. Аттестат с серебряной медалью в школе и красный диплом в университете. Ещё не получив диплом, я устроилась на работу в компанию, в которой работаю вот уже четырнадцать лет. И с должности секретаря поднялась по карьерной лестнице до начальника отдела. Я старалась, очень старалась чего-то добиться. Всю свою осознанную жизнь.

И вот, от одного из самых родных мне людей, от мужа и любимого мужчины, я слышу фразу: «Ничего ты в жизни не добилась». А потом он её повторил, как контрольный выстрел в голову: «Да-да, Лена, ничего ты в жизни не добилась».

Потом ещё были какие-то слова, много слов, криков. Я ничего уже не слышала, просто как белый шум. Он попал в самое яблочко. Я много слышала от него неприятных слов и оскорблений. Я всё прощала, оправдывала, верила. Я бы и дальше могла прощать, но он попал в самое больное, в самое заветное и ценное, что было в моей жизни. Одной фразой он растоптал все мои тридцать пять лет жизни, все мои достижения и успехи, все мои силы и вложенные старания. Я сидела перед ним исхудавшим скелетом с весом тридцать девять килограмм, лысая и слабая. Рядом бегала маленькая трёхлетняя дочь, которая слышала все его слова, но ещё не понимала их значения. Я сидела, и уже ничего не говорила, понимая, что это и есть конец. Конец наших отношений. Восемь лет брака рухнули, как картонный домик.

.
. .
.

К слову. Я уже несколько раз собиралась уйти от него. Даже с маленькой дочкой на руках. Но он всегда останавливал. Никогда не отпускал: «Давай попробуем ещё раз», «Дай мне ещё время, шанс», «Ну куда ты сейчас зимой с ребёнком, поживи до лета, а там решишь». У меня не было своего жилья, и он знал, что мне некуда идти, и что возвращаться в деревню к маме

я не хотела. Когда я собирала чемодан, он начинал скандалить из-за этого, проявлял грубость, швырял чемодан и мои вещи, потом умолял остаться. Поэтому я понимала, что уйти от него просто так, собрать вещи, взять ребёнка и уйти – не получится. Нужно бежать. Тайком.

После скандала, он уехал. Я собрала дочь и поехала к маме. Через час от него пришло смс: «Прости, что я такой».

ПОБЕГ

Как я уже писала, девятого января у него была запланирована командировка – он улетал в другой город на месяц.

Приехав к маме, я всё ей рассказала. Обычно я никогда не посвящала её в наши ссоры, чтобы лишний раз не волновать. Но не в этот раз.

Она спросила только одно:

– Ты точно решила уходить от него?

Услышав мой утвердительный ответ, мама больше не задавала вопросов.

Я понимала: если я заявлю мужу о своём решении прямо, то он может отменить командировку и не даст мне уйти. Поэтому я решила поступить хитрее – до его отъезда сделать вид, что всё в порядке. Поэтому вечером вернулась с дочкой домой. Он был дома. Встретил нас. Но мы толком не общались. Чувствовала я себя всё также плохо.

На следующий день он собирал вещи для командировки. Я в основном лежала. День прошёл спокойно.

Утром он уехал в аэропорт.

«Я в самолёте», – пришло от него смс, после которого я наконец выдохнула. Впервые за долгое время я почувствовала – свободна.

Это был рабочий день после новогодних праздников. Дочка – в садике, я – на работе. Ещё утром я начала просматривать варианты квартир для съёма. Мне нужна была «однушка», желательно в шаговой доступности от садика, чтобы мама могла отводить и забирать дочь, если вдруг я не смогу. Мне приглянулась одна квартирка: хорошая планировка, ремонт, и цена подходила. «Идеальный вариант», – подумала я. Но телефон, указанный в объявлении, не отвечал. А потом объявление и вовсе исчезло. Я посмотрела ещё несколько вариантов и записалась на показ двух квартир на следующий день. Они мне не подошли: в одной был очень старый ремонт, во второй нельзя было жить с ребёнком. Я продолжила поиски.

Через несколько дней я снова наткнулась на ту самую квартиру, что понравилась мне с самого начала. Позвонила – трубку взял молодой человек, агент по недвижимости. Он сказал, что квартира свободна, и пригласил в офис для заключения договора. Уже в разговоре признался: снял объявление, потому что несколько дней болел с температурой. «Похоже, квартира ждала именно вас», – сказал он.

В этот же вечер я поехала на просмотр квартиры, и, конечно, она мне сразу понравилась. Она действительно была идеальной и подходила нам с дочей по всем параметрам. Я в этот же вечер заключила договор аренды, и хозяйка квартиры передала мне ключи.

Когда осталась в пустой квартире одна, я рухнула на пол и расплакалась. Все тревоги и страхи, копившиеся годами, словно слетели с моих плеч. В руках я держала не просто связку железных ключей – это были ключи от моей новой жизни, от свободы, которую я так долго боялась и наконец решила взять.

Поиск квартиры и переезд заняли у меня пять дней. Мама и брат помогли мне собирать и перевозить вещи. Когда всё было окончено, я написала мужу, что мы с дочкой съехали от него и что в ближайшее время я подаю на развод.

Глава 3. ХИРУРГ

ПИЩЕВОД

Десятого января у меня была назначена процедура ФГДС в частной клинике. Боли в области пищевода и желудка не прекращались, твёрдую пищу я проглотить уже не могла, только жидкость. Любая попытка поесть – сопровождалась сильной болью, а иногда и рвотой. Я стремительно теряла вес и понимала, что сама эта проблема не исчезнет – нужна помощь врачей.

Гастроэнтеролог всё равно отправил бы меня на проверку желудка, поэтому я решила не тянуть и пройти процедуру самостоятельно, чтобы прийти на приём уже с результатами.

Каково же было моё удивление, когда после процедуры врач сообщил мне, что эндоскоп не смог проникнуть в желудок по причине сужения пищевода. Диаметр эндоскопа был восемь миллиметров. Диаметр пищевода обычного здорового человека два с половиной сантиметра. Диаметр моего пищевода почему-то был менее восьми миллиметров.

С заключением на руках я сразу написала своему онкологу в WhatsApp, описала ситуацию и приложила фото результатов. Врач ответила быстро и была очень удивлена случившимся. Отправила меня на приём к гастроэнтерологу, попросив держать её в курсе.

Гастроэнтеролог выписала лекарства – таблетки и сироп – и отправила домой. На вопрос: «Почему так произошло?», она ответила, что такое бывает при различных видах ожогов. «Может, вы выпили что-то? Уксус, например?» – Нет, это было исключено. И я начала понимать: скорее всего, причиной стал лекарственный ожог – химиотерапия, которую мне проводили в Обнинске, обожгла пищевод. Как при ожогах кожи образуются рубцы и уплотнения, так и внутри моего пищевода начала формироваться рубцовая ткань. Из-за этого он стал узким.

Через неделю моё самочувствие не улучшилось. Лекарства не помогали. Я всё так же ела только жидкую пищу: вес не восстанавливался, боли не прекращались, силы не возвращались. Я таяла на глазах.

Моя мама переехала жить к нам в съёмную квартиру, помогала по хозяйству и с дочкой. Я продолжала ходить на работу: нужно было платить за жильё, садик и покрывать прочие расходы.

Началась вторая половина января. Близилась Крещенские морозы. В прогнозах погоды намечались метели.

Двадцать первого января, в воскресенье, я не смогла проглотить **ни-че-го**. Даже вода не проходила в желудок и провоцировала рвоту. Слюна также застревала и скапливалась во рту, приходилось сплёвывать её в тряпочку. К вечеру этого дня мама сказала мне, чтобы я собиралась и ехала в приёмное отделение областной больницы. Ведь я весь день ничего не пила и не ела, и было неизвестно, смогу ли я это сделать завтра.

Знаете, иногда другой человек может сказать вам что-то, посоветовать или направить, высказать своё мнение. И внутри это может вызвать сопротивление, сомнение или, наоборот, полное согласие, за которым сразу следуют действия.

Так вот, слова мамы сразу толкнули меня к действиям: да, надо ехать. Было около девяти часов вечера. Я собрала кое-какие вещи, необходимые для больницы, вызвала такси, сказала дочке, что скоро приеду, и вышла из квартиры. На улице было темно, морозно и ветрено.

Я приехала в приёмное отделение областной больницы. В регистратуре у меня взяли документы, попросили описать мою ситуацию и пригласили хирурга для осмотра.

Хирурга я сразу узнала: это был тот врач, который брал у меня биопсию лимфоузла, о чём я писала в своей первой книге «#ракНЕдурак». Он, конечно, не вспомнил меня. Выслушав, что со мной случилось, он обратился к медсестре:

– Оформляйте госпитализацию.

Затем повернулся ко мне и добавил:

– Мы выведем тебе из желудка гастростому, и ты сможешь питаться через неё. А потом уже будем решать, что делать с твоим пищеводом.

Что именно мне выведут из желудка, я не поняла, но слова «ты сможешь питаться» меня ободрили. Я была очень голодная и хотела пить.

После оформления медсестра привела меня в палату. Там было темно, все спали. Я переоделась и легла. Меня подташнивало от голода. Слюна текла не прекращаясь. Я сплёвывала её в целлофановый пакетик, потому как все тряпочки, которые я взяла с собой, были насквозь промочены. Через какое-то время пришла медсестра и привезла стойку с капельницей, после которой голод, а вместе с ним и тошнота отступили. И я уснула.

Утром меня разбудил громкий голос медсестры: «Градусники!». Я автоматически взяла градусник, который она положила на прикроватную тумбочку, зажала под мышкой и огляделась. В палате – ещё три женщины. Я поздоровалась.

После того как у нас забрали градусники, одна из женщин подошла к окну и начала поднимать жалюзи. И чем выше она поднимала штору, тем больше я понимала: за окном метель. Очень-очень сильная. Не было видно ничего, кроме белой стены снега и шатающихся от сильнейшего ветра деревьев. «Вот это задуло», – сказала женщина, стоявшая у окна, будто читая мои мысли. А я смотрела в окно и осознавала, что если бы не приехала в больницу вчера вечером, как сказала мне мама, то сегодня, вероятно, не смогла бы уже выбраться из дома. По дорогам не проезжал ни один автотранспорт, кроме снегоочистительной техники.

К слову, метель не утихла три дня. Потом ещё четыре дня город постепенно расчищали. Случился настоящий климатический коллапс. Всё это время я была в больнице.

Примерно через час пришёл врач – тот самый который осматривал меня вечером в приёмном отделении, – и сказал готовиться к операции.

Слёзы мои текли градом. Мне было страшно и горько в первую очередь за дочь: я снова оставила её, пробыв рядом меньше месяца, после возвращения из Обнинска. Было страшно за мою жизнь – вдруг что-то случится на операционном столе и я не выживу. Было просто ужасно страшно. Но я понимала, что сейчас это, видимо, единственный выход из сложившейся ситуации и нужно набраться сил, настроиться на восстановление после операции, чтобы вернуться к обычной жизни. Тогда я ещё не понимала: после того, что со мной сделают на операционном столе, вести прежний образ жизни будет уже невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.